

Н. А. БОГОМОЛОВ
ADDENDA ET ERRATA

к публикации переписки Вяч. Иванова и Э. К. Метнера

Без малого 20 лет тому назад в журнале «Вопросы литературы» появилась публикация, на которую постоянно приходится ссылаться любому, занимающемуся творчеством Вячеслава Иванова: В. И. Иванов и Э. К. Метнер. Переписка из двух миров / Вст. ст., публ. и коммент. В. Сапова // Вопросы литературы. 1994. Вып. I. С. 307—346; Вып. II. С. 281—317. Вместе с тем, как нам не раз пришлось убедиться при проверке *de visu*, в нее попали не все письма корреспондентов, хранящиеся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки, а в опубликованных текстах (особенно принадлежащих Иванову) имеется множество неточностей и прямых ошибок.

Поскольку электронная копия этой публикации размещена на сайте, мы решили привести список разночтений, а также недостающие тексты. Следует отметить, что хранящаяся среди этих писем визитная карточка «Emil Medtner» с текстом: «21/III. Пришел проститься. Уезжаю в Изумрудный Поселок. Быть может, заедете ко мне? До 8 ч. дома. Во всяком случае телеграфируйте, пожалуйста. Ваш Э. К.», — не имеет никаких прямых признаков, что была оставлена у Иванова и адресована ему.

Следует, конечно, напомнить, что письма Метнера к Иванову 1920—1930-х годов хранятся в Римском архиве Вяч. Иванова и не включены в публикацию В. В. Сапова, а должны стать предметом специального исследования.

Письмо 1

Написано на бумаге с шапкой: «Книгоиздательство «Мусагет». Москва, Пречистенский бульвар, д. 31, кв. 9. Телефон 179-50».

На конверте адрес отправителя: Э. К. Метнер. Москва, Тверская, М. Гнезниковский пер., д. 12, кв. 8.

В предпоследней строке текста письма нет слова «концерте».

Письмо 2

Написано на бумаге издательства «Мусагет».

Письмо 3

После обращения — не восклицательный знак, а точка.

С. 326, стр. 3. После слова «сотрудничества» — точка с запятой.

«Трудов и Дней» — прописная буква во втором знаменательном слове.

С. 326, стр. 12. Характерное для Иванова написание: «серьезные».

С. 326, стр. 18—19. «...обязывающими для участников не секции «Орфея» только...»

С. 326, стр. 5 снизу: «недоуменье», а не «недоумение».

С. 327, стр. 5: «ныне выяснившемся».

С. 327, стр. 6: «словах, как сигналах».

С. 327, стр. 7—9: «...импрессионистически живо, хотя логически крайне смутно напоминают «Теоретика дионисизма»...»

С. 327, абзац 2, стр. 11: не «Эмилия», а «Эмиля»

С. 327, абзац 2, стр. 16—17: «двуединство нераздельных и неслиянных Диониса и Аполлона».

С. 327, абзац 2, стр. 23. После слова «barbarum» есть восклицательный знак.

С. 327, стр. 5 снизу: «...разумею под таковыми».

С. 327, стр. 3 снизу. Фамилию Ф. А. Степуна Иванов пишет с двумя п.

С. 328, абзац 2, стр. 5: «Θεоретика Дионисиазма».

С. 328, абзац 3, стр. 11: «...не как внутренний опыт только». Слово «гаинство» подчеркнуто дважды.

В последней строке сарацинское выражение должно читаться как: «Могамед расуль Аллаха».

Письмо 4

С. 332, стр. 1: «серьозна».

Письмо 5

С. 333, абзац 2, стр. 6: «Труды и Дни».

С. 333, абзац 3, стр. 4: слово «ἦθος» написано по-гречески.

С. 333, стр. 3 снизу: слово «униженным» подчеркнуто; после этой строки нет линейки.

С. 334, стр. 1. Подзаголовок статьи «Манера, лицо и стиль» должно читаться (мы, однако не на сто процентов уверены в правильности чтения): «Критерий лирического совершенства».

С. 334, абзац 2, стр. 2: «за бóльшую часть содержания»

С. 334, P.S., стр. 1: «Первая книжка»

Там же, стр. 3 и 6--7: «серьозность», «серьозных».

Там же, стр. 3 снизу. Не разобранный публикатором фамилия должна читаться как «Браун».

Там же, стр. 2 снизу: «Жалуются еще на то...»

После письма 4 должен идти текст телеграммы (РГБ. Ф. 167. Карт. 25. Ед. хр. 40)

Адрес: Москва Пречистенский 31 Мусамет Метнеру

Из Петербурга. Принята 16/II 1912

Считал бы настоятельно необходимым видоизменить состав определяющего номера крайне желательным ваш скорый приезд

Иванов

После письма 5 должно идти следующее (РГБ. Ф. 167. Карт. 24. Ед. хр. 11. Л. 1—2, 5).

Клязьма 3/IV 912

Дорогой Вячеслав Иванович!

Ваше письмо от 29/III 912 получил.

Никакая дипломатия в отношении к Брюсову не поможет, и вот почему. *Одно* непомещение его афоризмов и *только* нападки на него Бугаева в статье о символизме, и то и другое взятое врозь, не явилось бы *casus belli*; но совокупность обоих обстоятельств, вполне понятно, совсем для него невыносима. Мне не удалось в этот мой приезд в Москву повидать его, сделаю это на будущей неделе. Если *Вы* хотите сохранить Брюсова для *Трудов и Дней*, напишите ему сами, сославшись на то, что до Вас дошли слухи об его крайнем неудовольствии по поводу вышеозначенных <?> двух обстоятельств. Я зачеркнул у Бугаева наиболее резкую выходку против Брюсова и просил его удалить и остальные, -- он обещал, но не сделал этого... Я нахожу тон Бугаева по адресу Брюсова резким, истеричным и с оттенком личной ненависти. И этого мнения держатся здесь, в Москве, решительно все: и враги, и друзья. -- Свою квалификацию Чулкова и Айхенвальда Брюсов уже в прошлый мой визит наотрез отказался изменить и заметил, что лучше возьмет афоризмы назад.

Ампутация Кузьминской <так!> статьи вполне понятна: 1) ни я, ни Бугаев (ни другие в *Мусагете*) с заключением статьи согласиться никоим образом не в состоянии; 2) Бугаев даже обиделся (мне это передавали; сам он мне этого не говорил); 3) Куриозно утверждать подобное и затем на след<ующей> странице помещать редакционное объявление об юбилее такого великого *мастера* как Бальмонт (которого я лично вовсе не поклонник). И совсем эта ампутация не к Вашему ущербу; наоборот; ибо и так статья Пяста + статья Кузьмина заставила злые языки говорить о рекламировании В. Иванова в I № *Трудов и Дней*, на что я ответил конечно, что если *Мусагет* посвятил книгу Бальмонту, Брюсову, Белому, то почему ему (даже

если признать, что мы «рекламируем») не уделить часть книжки журнала поэту и теоретику не меньшего калибра, нежели те трое... *NB*. Впредь прошу петербуржцев при посылке рукописей надписывать: «прошу корректуру»; я уже в корректуре буду отмечать, что редакция находит неприемлемым. Так, например, я не знаю, как Вы, но меня передергивает от термина *эмоция, эмоциональный*; этот термин физиологический, медицинский, а не эстетический; пущен в ход разными Нордау, издевавшимися над Ницше, Ибсенем, и вот наивные «новые» подхватывают его. Пяст, Недоброво (о стыд!) пользуются этим термином наряду с полуграмотным Скрябиным и безграмотными скрябинистами. Я умоляю изъять из употребления столь немусagetские термины: эмоция и эволюция (которую каким-то непостижимым образом смешивают с прогрессом). Я напишу статью (издевательскую) под заглавием *Эмоция и Эволюция*. Я не читал внимательно в корректуре статью Пяста, а то я бы поссорился, во-первых, с его эмоцией (см. стр. 28 в середине) и с его выпадом против Мережковского (которого я лично вовсе не поклонник), и даже не столько с самим выпадом, сколько с чудовищным выводом последнего абзаца (стр. 32). Кроме того, в статье Пяста не везде ясное изложение. Но теперь я очень внимательно прочел статью Недоброво и встретил в ней пресловутую эмоцию (к сожалению, у меня нет корректуры с собой здесь) и пресловутую эволюцию. Очень прошу Вас содействовать тому, чтобы Недоброво изъял обе пресловутости. Мы отмежеваемся, слава Богу, от модернизма, а догма «эволюционного (?) прогресса» есть базис последнего, его мотив, его *causa finalis* и *causa efficiens*. Неужели **Вы** разделяете эту догму? Ведь это быть не может! Даже морализация мира подлежит сомнению, тем паче его «поэтизация»! Последних слов в искусстве быть не может. Каждый великий поэт и каждое великое произведение в своем роде последнее слово. И в искусстве прогресс в одном сопровождается регрессом в другом отношении. Это есть то положение, без которого или нарушая которое *Труды и Дни* перестают быть органом *Мусagetта*, или... я перестаю быть одним из руководителей последнего. Гете яв-

ляется для меня богом; но я скажу, что он столько же «прогресс», сколько и «регресс» в отношении к Гомеру. Я бы мог по этому поводу импровизационно сказать очень многое, но, думаю, не в письме к Вам, ибо убежден, что это значило бы ломиться в открытую дверь... Итак, прошу очень не слишком обижаться, если у петербургской молодежи кое-что иногда придется вычеркнуть. Надеюсь, что Недоброво вычеркнет пять строк из своего заключения по корректуре, кот<орую> ему вышлют.

Теперь еще один очень щекотливый вопрос, о котором (я был убежден в этом) Бугаев в качестве редактора *раньше всего* должен был объявить и Вам, и другим петербургским со-трудникам. Но, оказывается, он промолчал об этом и тем сно-ва (как это было уже неоднократно) поставил меня в неловкое положение. Я же в Петербурге был всего два дня и притом в крайнем переутомлении; я *мог* забыть договориться о гонорарах, тем более, что, когда и вспомнил, то думал, что это сделал Бугаев. По бюджету нынешнего года и вследствие того, что Бугаев настоял на том, чтобы журнал издавался с нынешнего (а не с будущего года, как того хотел я, имея в виду прекращение издания на мусagetский счет *Логоса*), мы не можем платить за статьи в *Трудах и Днях* больше 25 р. за лист; исключение — те статьи, кот<орые> мы сами заказываем. С будущего года, если журнал окажется хотя бы минимально жизне- право- и дееспособным, гонорар может быть увеличен до 40 р. Это было решено на общем собрании, и Бугаев сам же стоял сначала даже за то, чтобы ближайшие мусagetцы работали даром. И Вы сами, когда обсуждали со мною проект дневника трех поэтов, говорили, что писать будут без гонорара и Мусaget обязуется лишь издавать... Бугаев *забыл* о символизме, когда обсуждался вопрос о журнале в стенах *Мусagetта*, а на башне он *забыл* о мусagetских решениях.

Из скромного московского журнальчика, appendix'a Мусagetта (на чем все порешили) – вырос орган всероссийского символизма. Я весьма и искренно радуюсь этому, и за малыми исключениями вынес от первого номера столь же отрадное впечатление, как и Вы, но как издатель я в смущении, в осо-

бенности после выяснений ревизионной комиссией финансового положения в связи с уже принятыми *Мусагетом* обязательствами <первоначально было: уже принятием *Мусагетом* обязательств; исправлено не до конца> по изданию книг. По вопросу о гонораре (NB NB!) буду также ждать Вашего совета.

Теперь о впечатлениях москвичей, которые, впрочем, еще не все в сборе, ибо вагон штейнерьянцев еще не докатился назад из Гельсингфорса. Большинство довольно. Но есть и отрицательно критикующие. Так, некоторые находят, что журнал недостаточно основателен (что при сопоставлении с петербургским мнением звучит комически), жалуется, что много полемики, что в статьях о символизме подымается дискуссия, сданная в архив, что в них нет ни единого нового аргумента, что символизм есть просто хорошее искусство, что статьи Вольфинга и Кузмина отнюдь не специфически-символичны, что деление журнала на две части – произвольно, что решение того вопроса, кто и что символичны, по-видимому, будет подсказываться личными соображениями, что милые будут символисты, а не милые – profani, коим место во втором отделе. Одни недовольны статьей Пяста, находя ее крайне слабой, другие статьей Ophis'a, находя ее поверхностной и претенциозной. Одни недовольны статьей Вольфинга (таких среди музыкантов, конечно, очень много, но здесь я имею в виду только литераторов) и хвалят статью Эмилия Метнера (вероятно, за ясность), другие ругают статью Эмилия Метнера (вероятно, за ясность) и хвалят Вольфинга. Многие недовольны шрифтом (я решил третью тетрадь напечатать более крупным шрифтом и в возмещение большего расхода на более плохой бумаге) и, наконец, недовольны отсутствием библиографического отдела, хотя бы кратко расставляющего отметки, баллы за книги. За библиографию я стою, хотя бы весьма голословную abfertigend, как это в *Vaureuther Blätter*.

Забыл сказать о статье Скалдина. Там есть два-три афоризма, меня смущающие... эстетически. Напр., о мужском семени. Дал прочесть Киселеву и Петровскому.

Теперь, дорогой Вячеслав Иванович, перехожу к самому важному, к тому, что снова вызвало нервное потрясение во мне, бессонницу; я как в кошмаре, и насилу выполняю веления рабочих дней. И сейчас еле держу карандаш (извиняюсь за карандаш; за многословие тоже – это от усталости). — Бугаев *продал* роман и *помирился* с Кожебаткиным. Т. е. совершил двойное предательство. Ибо продал (вопреки слову, Вам данному, и несмотря на то, что мы с Рачинским устроили ему большой аванс в *Пути*) консервативному Некрасову всего за 2000 р. (я предлагал ему 1400—1500) с авансом в 400 р., т. е. продал мимо Мусажета, кот. напечатал его тяжелые и убыточные книги, продал не в большое книгоиздательство, а в такое же, как Мусажет. Примирение с Кожебаткиным (упорное искательство этого примирения во имя того, что оба они, видите ли, имеют основание быть недовольными Мусажетом) положительно ничем не объяснимо или же морально очень скверно для Бугаева. Сам же он заварил кашу, требовал от меня удаления Кожебаткина от должности секретаря, а когда я, внимая его просьбе и желая восстановить мир в редакции, нарушаемый истерическими реакциями Бугаева на хамоватый деспотизм Кожебаткина, решил соединить это секретарское *сoup d'état* с намеченной мной ревизией мусажетских дел (через комиссию: мой отец, Рачинский, Киселев) и направить все дело в парламентское русло во избежание личных, слишком личных осложнений и оттенков, -- Бугаев не вовремя, не дождавшись конца им самим затеянного дела, сбежал за границу (это еще извинительно, т. к. ему в Москве негде было жить и работать) и перед отъездом подложил грандиозную свинью мне, помирившись с Кожебаткиным и даже заключив с ним теснейшую дружбу на почве «общего недовольства Мусажетом».

Я не стану <излагать> подробно всех обстоятельств, сопровождавших эти шаги Бугаева, как он целую неделю перед отъездом (которую я провел в городе) избегал меня, не советовался со мною об этих шагах, как он мне о них смущенно рассказывал только на вокзале, и многого другого. Скажу только, что в результате в литер<атурных> кругах Москвы говорят о раз-

рыве Бугаева со мною и об уходе Бугаева из Мусагета. Брюсов <зло>радствует. Кожебаткин в моем отсутствии <гово>рит о том, что все улажено и все <текст осыпался, 1—2 слова разобрать не удастся> по-прежнему. Все страшно смущены происшедшим. И в *Мусагете*, и в *Пути*. Многие небезосновательно подозревают, что Бугаев действовал по наущению Петра Ивановича д'Альгейма (ярого врага Метнеров и Мусагета), под влияние которого он вновь подпал благодаря Асе. Избегнуть продажи романа Бугаев мог бы, если уж ему нужны были деньги сверх того, что он получил из *Пути* (1000 р. авансом ежемесячными взносами по 200 р.), заложив имение; но тут он не проявил того же упорства, как в продаже романа и в искательстве примирения с Кожебаткиным, а наоборот, непонятным образом (несмотря на наличность всех документов) решил отложить дело до осени и (зря совсем) отправить на место своего quasi-тестя Кампиони, вероятно, чтобы дать ему нажить. Одним словом, тургеневское болото, дом песни <так!> с его интригами, эгоизмом, возмутительным беспорядком и беспринципностью... 10 лет исполняется нашей дружбе, которой Бугаев сам так добивался, Вы знаете меня; я туго схожусь с людьми; но зато я люблю по-настоящему тех, кого люблю... И вот Бугаев в Доме Песни недавно ругал всех своих друзей... Это все между нами; это не сплетня; я *знаю* это... Мне очень, очень тяжело, но *все* кончено; никогда уже Бугаев не войдет больше в мое сердце. Я знаю также, что Ася терпеть меня не может, а она выученица д'Альгейма, этого интригана, иезуита и деспота. Бугаев должен Мусагету больше 3000 р.; юридически он не имел права продавать рукопись *как книгу*, ибо было условлено, что он Эллис *все* будут отдавать в Мусагет и получать помесечно. Все, что я пишу Вам – между нами. Пожалуйста, не сообщайте об этом Бугаеву. Теперь я его романа не приму. Расстались мы с Бугаевым оба смущенные. Я ему написал письмо, где высказал ему мягко, но решительно свое мнение... Бугаев не человек <?>, а *medium* какого-то гения. Такого безволя мир не видел. Это ужасно, ибо симптоматично. Будущее *Мусагета* темно. Я устал. Я готов покинуть и дело, и Россию. Прошлым летом Бугаев нанес мне страшную рану,

а теперь доконал до конца. До свиданья. Устал. Обнимаю Вас.
Ваш Э. Метнер.

P.S. И в *Аполлоне* пишут неприлично; напр<имер>, Каратыгин о Метнере и в особенности о Рахманинове.

Письмо 6

С. 335, стр. 7. Не «Пиллниц», а «Пильнице».

С. 335, абзац 1, предпоследняя строка: выбросить союз «и».

С. 336. В конце абзаца 1 стоит тире, после чего текст продолжается без абзацного отступа.

С. 336, стр. 9: «...по возможности тайно револтировать».

С. 336, стр. 9 снизу: «...придрался к терминологии я сам».

С. 337, стр. 10. После слова «выразит» вставить: «никакого».

С. 337. В конце абзаца 2 стоит тире, после чего текст продолжается без абзацного отступа.

С. 337, стр. 4 снизу: «...моѳ'ы. Боже мой, русское **еры...**»

Письмо 7

Отметим, что ввиду важности текста Иванов попросил М. М. Замятнину переписать его и оставил копию в своем архиве (РГБ. Ф. 109. Карт. 10, Ед. хр. 19).

Дата: 3 мая 1912.

С. 340, стр. 4: в слове «что» — ударение.

С. 340, стр. 5: после слова «поистине» — тире.

С. 340, стр. 9 снизу: в слове «большого» — ударение на первом «о».

С. 340, стр. 5 снизу. Слово Δαίμων написано греческими буквами.

С. 340, стр. 3 — 1 снизу: «...который дал материал для публичной лекции (1 мая, в Народн[ом] Унив[ерситете]...»

С. 341, стр. 2. После слов «о нем» вставить: «речь».

С. 341. После абзаца 1 нет отступа.

С. 341, стр. 5: «своей откровенностью».

- С. 341, стр. 13: «задиранья».
- С. 341, стр. 15: «лучше уже называть»
- С. 341, стр. 17: «показывает на соседа».
- С. 341, стр. 20: Степуна.
- С. 341, абзац «О Брюсове»: в названии журнала «Трудов и Дней» второе слово пишется с прописной буквы.
- С. 342, стр. 6: «контроверзой».
- С. 342, стр. 9—12: «Технические красот[ы] при этом не покрывают, по мысли автора, технической некорректности, с ними легко уживающейся. Но дело не в этом недоразумении, а в искажении полного смысла...»
- С. 342, стр. 14: «Если б я...»
- С. 342, стр. 16: «Трудах и Днях».
- С. 342, абзац 1, стр. 9 снизу: «корректность полемик».
- С. 342, абзац 1, стр. 7 снизу: «не всем приемлемого».
- С. 342, раздел «Pro domo mea». В стр. 4 после точки должно следовать тире; в стр. 6 после слова «снизу» — также, а в слове «русский» последние две буквы подчеркнуты дважды.
- С. 343, раздел «О языке Мусагета и его этикете». Стр. 1. Слово «Я» написано со строчной буквы.
- Там же, стр. 2: «пристрастий и антипатий».
- Там же, стр. 8—9: «...чужды желанья все verdeutschen, полный беспечной самоуверенности истинного художника; высказавшийся...»
- Там же, стр. 17: «мусагетской формы».
- Там же, стр. 22: «Куда уж тут...»
- Там же, стр. 24: «Кто верует в спасительность психологии...»
- Там же, стр. 8 снизу: не «одобрить», а «одобрил».
- С. 344, раздел «О гонораре». Стр. 4—5: «Там были бы ясны платформы каждого...»
- Там же, стр. 4 снизу: «Труды и Дни».
- С. 344, раздел «О романе Белого». Стр. 4. После слова «жизни» следует тире, а в стр. 5 слово «Дружески» написано с прописной буквы.
- С. 344, текст приписки. Стр. 3: «Боратынского».

Там же, стр. 4—5: «Трудах и Днях».

Между письмами 7 и 8 должно следовать еще одно, написанное совместно Ивановым и Андреем Белым (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 69).

12 сент<ября 1912>

Дорогой Эмилий Карлович

Пищу Вам из Базеля, куда приехал для свидания с Борей — и пока только три словечка деловых, -- но, впрочем, вместе и для того, чтобы сказать Вам что обнимаю Вас заочно — почти буквально, потому что Вы все передо мной, с необычайною живостью иллюзии (если это не Ваш астрал, как невольно заподозришь, беседуя все время с «штейнерианцами»). И, главное, прежде всего, благодарю Вас, дорогой Эмилий Карлович, за книгу о музыке, чрезвычайно интересную для меня, хотя уж очень бранчливую (*сверх* меры), остроумную, во многом существенном симпатичную, в другом — несогласную со мной, но никогда не обижающую моих чувств лучших и *основных*. Спасибо и за «статьи-статуи» на неподобающем (!) месте, в предисловии, без повода... О Дионисе у Вас несколько сбивчивых слов, быть может симптомов некоторого заблуждения. Кажется, пришлю Вам несколько афоризмов о Дионисе для Тр<удов> и Дней... Ибо ведь Труды и Дни *существуют? hein?* Так вот значит и деловое. Удивительный порядок в моих мыслях сегодня!! Отчего это? —

Дела:

1) Прошу о высылке корректуры моей статьи, предназначенной для № 3 и присланной через 2—3 недели после Пасхи... Ведь Вы же получили большую и важную статью, очень важную для меня??

2) Статья Скалдина должна непременно идти в силу условия по кот<орому> о ее годности сужу я. А т. к. я сказал автору что она идет, то я связан, и его статья — моя статья. Но вы-

черкнуть кое-что, конечно, можно. Печатать же необходимо, иначе я в ложном положении.

3) Статью о Брюсове автора, имя которого забыл, мне присланную для совещания, передаю А. Белому. Она меня отнюдь не пленила. Я был бы скорее против ее напечатания (по соображениям, между прочим, и тактическим), но не безусловно.

Адрес мой: Lausanne poste restante.

Любящий Вас

всею душой

Вяч. Иванов.

P.S. Письмо Кузмина в ред. А<полона> было для меня сюрпризом хитрым (что не очень рекомендует Кузмина), но *формально* он во всем прав.

Дорогой Друг!

Видите, на этот разь «Д» с большой буквы (видите, с большой буквы пишу не только слово «Доктор», но и слово «Друг»; итак: дорогой Друг! Существуют ли «Труды и Дни», спрашиваю я, Редактор? Три с половиною месяца тому назад *тщетно тщился* я узнать что либо деловое о Журнале. Ничего! Просил, чтобы меня известили о сроке выпуска 3 №, а мне не ответили. Считаю недопустимым, чтобы хоть 1 № вышел без моей статьи (видите из этого, что писать буду много, но: в виду распределения всех моих дней *требую* за месяц до выхода номера, чтобы я был извещен о сроке выхода.

Считаю необходимым напечатание статьи Скалдина. Изумляюсь, что о письме Кузмина и о статье Чудовского не уведомлен. В случае продолжения бойкотирования меня как редактора считаю невозможным оным числиться. На «Трудах и днях» я нарезался с Ахрамовичем, ибо многого не знал о полемике, что узнал от Вячеслава. Обнимаю Вас. Б. Бугаев

Послано по адресу:

Rusland. Moskau.

Россия. Москва.

Его Высокородию

Эмилию Карловичу

Метнеру
Пречистенский бульвар
Д. 31. кв. 9. К-во «Музагет».
Штемпели: Basel 19. IX. 12
Москва 9.9.12.

Письмо 8

Следует отметить, что в архиве Метнера сохранился черновик первой части этого письма (написанной чернилами с поправками карандашом): РГБ. Ф. 167. Карт. 24. Ед. хр. 11. Л. 3—4, 6. Там же хранится и первый экземпляр отосланного Иванову в копии карандашного текста: Л. 7—8.

С. 281, стр. 6: «...я останавлиюсь всего на день, на два...».

С. 281, стр. 5 снизу: «Бесы, что ли, из них выходят...»

С. 282, стр. 2: «...я готов и принести клятву...»

С. 282, посл. строка: «Из предшествующего пункта ясно...»

С. 283, пункт 3), стр. 3: «...о двух-трех местах...»

С. 283, пункт 6), стр. 2: «штейнерьянской».

С. 283, стр. 3 снизу. Между «но» и «тем» следует вставить вопросительный знак в круглых скобках, принадлежащий автору письма.

С. 284. Название книги Вольфинга (Метнера) «Модернизм и Музыка» всюду пишется с прописной буквой во втором знаменательном слове.

С. 284, пункт 8), стр. 6: «Спорить с Вами, с специалистом...»

Там же, стр. 4 снизу: между словами «не» и «отдельные» вставить предлог «на».

В конце абзаца, после вопросительного знака, следует тире.

Письмо 9

С. 286, стр. 12: «...такого, как у Вас, формата...»

С. 286, стр. 14: «орудием писателя».

С. 286—287. Название журнала «Труды и Дни» всюду пишется с прописной буквой во втором знаменательном слове. То же относится и к названию книги «Борозды и Межи» в конце с. 287.

С. 286, стр. 4 снизу: «...да и само заглавие...»

С. 287, стр. 2: «ропоты», а не «ропот».

С. 287, абзац 3, стр. 7: «Я сам могу быть оккультистом...»

С. 287, стр. 3 снизу: «...если уже нужны купюры...»

Письмо 10

В предпоследней строке название журнала подчеркнуто.

Открытка адресована в Лозанну, до востребования, откуда переадресована в Монтрё (то же относится и к письму 11). Адрес Отправителя: Савеловской ж. д. ст. Хлебниково. Имение Осипова.

Письмо 12

Копия этого письма, сделанная М. М. Замятниной (с небольшими сокращениями и незначительной правкой Иванова) была отправлена Ивановым Андрею Белому в письме от 22/9 декабря 1912 г. (РГБ. Ф. 25. Карт. 16. Ед. хр. 2). Адрес отправителя: Signor Venceslas Ivanov. Piazza del Popolo 18, int. 6. Roma.

Строка 1, после слов «пишет мне», разбита надвое и выделен тем самым новый абзац.

С. 289, абзац 3 (по журнальному разделению), строки предпоследняя и последняя: «...ложится и на их ответственность».

С. 289, абзац 4 заключен не в круглые, а в квадратные скобки.

С. 289, абзац 4, стр. 3: «...сотрудничества; но к «Трудам и Дням»» (и далее название журнала пишется с прописной буквой во втором слове).

С. 289, абзац 4, стр. 5: «...как бы с манифестами того символизма, активными деятелями которого...»

С. 289, последний абзац, стр. 2: «Ясно, что оно должно стоять...»

С. 289, последняя строка: «Что же могу я ответить...»

С. 290, абзац 2, стр. 5: «...и не был бы в состоянии...»

С. 290, абзац 2, стр. 10: «...имевшем в глазах самого Эллиса...»

С. 290, абзац 4, стр. 5. Слово «соглашения» подчеркнуто.

С. 290, абзац 5, стр. 1: «...мне поставленный...»

С. 290, абзац 5, стр. 3: «...я не хочу»

С. 290, стр. 3 снизу: «...в меру желаний редакции».

С. 291, стр. 3—4: «...который свершается в журнале, журнал же этим не лишается ни одной моей строки, ни одного совета...»

С. 291, стр. 6. После слова «кандидатуры» вставить: «Эллиса».

С. 291, абзац 2, стр. 9—10: «...маленького Экхарда в изд. «Дух. Знания»»

Там же, стр. 13. Слово «планом» -- подчеркнуто.

Там же, стр. 17: «...скорее интуитивных, нежели рациональных)»

Там же, стр. 21: «...мешать с штейнерианством заведомо не хочу».

Там же, стр. 27: «символистических учений»

Там же, стр. 29. После слова «сотрудников» вычеркнуто 5 строк..

С. 292, стр. 4: «...довести печатание до конца».

С. 292, примечание: «О существе трагедии».

Письмо 14

Первый экземпляр — РГБ. Ф. 167. Карт. 24. Ед. хр. 11. Л. 9—11.

В названии журнала **Труды и Дни** на всем протяжении письма второе знаменательное слово пишется с прописной буквы. То же — в названии книги Вольфинга **Модернизм и Музыка**.

С. 294. В конце абзаца 3 стоит 3 тире.

С. 294. После абзаца 4 стоит тире, далее абзацного отступа нет.

С. 295, абзац 3, стр. 3: «...с какой радостью...»

С. 295, абзац 3, стр. 8. Слово «Marginalia» подчеркнуто.

С. 295, абзац 3, стр. 9–10. Название книги сокращено:

Мод. и Муз.

С. 295, предпоследняя строка. «...со страшным физическим упадком».

С. 296, стр. 3. В названии статьи **Отзвуки и Грани** второе слово – с прописной буквы.

С. 296, стр. 9. Слова «Так как» в оригинале сокращены: «Т.к.».

С. 296. Стр. 15–17. Фраза в скобках, помимо них, выделена еще и тире перед открывающей и после закрывающей скобок.

С. 296, стр. 22: «(при моей природной бессловесности)».

С. 296, стр. 23: «...через него...»

С. 296, стр. 15 снизу: «...немеханизируемую сердцевину...»

С. 297, стр. 1: «...не благодетельный яд, а яд, разбавленный...»

С. 297, стр. 7: «...ковача своей незадачливой судьбы...»

С. 297, стр. 15: «...сам пиши помаленьку!»

С. 297, стр. 17: «...есть моя напряжившаяся и запруженная активность...»

С. 297. Нет абзацных отступов между нынешними абзацами 1 и 2, 2 и 3 (в конце нынешнего абзаца 3 после точки стоит тире).

С. 297, стр. 2 и 7 снизу: «До свиданья!»

После письма 14 должно идти еще одно, частично приведенное В. В. Саповым в предисловии к своей публикации:

Pillniz-Elbe (Am Hausberg)

27/VII – 9/VIII 913

Дорогой

Вячеслав Иванович!

Надеюсь в весьма ближайшем будущем получить Вашу статью для *Трудов* и *Дней*. Двойной I номер 1913 года вышел без Вас и без Бугаева. Простите, что умолкаю: очень спешу – масса дела!

Любящий

Э. Метнер.

Привет Вере Константиновне!

Письмо 15

Стр. 5: «...как мне сказал брат Ваш...»

Стр. 7. Вместо слова «правильно» должно читаться: «отзовитесь».

Письмо 16

В дате перед сокращенным обозначением года стоит апостроф: '29. Написано на бумаге *Almo Collegio Borromeo. Pavia*.

С. 302, стр. 2: «...только что полученное Ваше письмо!»

С. 302, стр. 6: «Мне до-смерти хочется...»

С. 303. Переданные латиницей греческие слова в оригинале написаны по-гречески.

С. 303, стр. 7: ударение в слове «что».

С. 303, стр. 10. Латинская фраза читается: «(nunquam enim abiuravi) neve nomen meum albo eradito».

С. 303, стр. 12: «культурной организации».

С. 303, стр. 5–4 от конца письма: «любопытствательства».

С. 303, стр. 4 снизу. Между словами «träumen» и «Lust» вставить русское слово «или».

С. 303, подпись: «Ваш сердцем неизменный».

Письмо 17

Написано на такой же бумаге, что и предыдущее письмо.

Стр. 11 с конца. Между «Haus am Berg» и «где» вставить: «рядом с санаторией «Albula»».

Стр. 10 с конца. Между «п[отому] ч[что]» и «разрешено» вставить «нам».

Письмо 18

Написано на открытке.

Конец текста: «и нетерпением обнять Вас».

Письмо 19

Написано на открытке.

Стр. 3: «получаю я из Москвы».

Стр. 9. После «Нессельштрауса» идет вопросительный знак.

Последняя строка: «Прометея».

Письмо 20

Написано на бумаге Collegio Borgomeo.

С. 306, пункт 4), стр. 1. В названии «Психологические Типы» второе слово написано с прописной буквы.

Там же, стр. 5—6: «...и рапсодическим построением, и ненужными, по существу дилетантскими дигрессиями и экскурсами, и неопределительностью изложения...»

Там же, стр. 9. Между «психологию,» и «и» вставить: «и именно на Юнгову психологию».

Там же, стр. 10. Греческое слово, переданное латиницей, написано по-гречески.

С. 307, приписка, стр. 1: «„Прометея“ (Гете, фрагм[ент])»

Письмо 21

Написано на такой же бумаге.

С. 308, стр. 6. В названии «Русской Идее» второе слово написано с прописной буквы.

С. 308, стр. 8. Между «испугал» и «меня» вставить «бы».

С. 308, стр. 9–11: «...потерянный, по непростительной оплошности редакции, текст (— опасность...»

С. 308, стр. 10 снизу: «...на Прокрустовом, хоть и обширном...»

С. 308, стр. 6–5 снизу: «заставляющей».

С. 308, стр. 2 и 1 снизу: «серьезно».

С. 309, стр. 6: «проблематического».

С. 309, абзац 2, стр. 5: «(которым, винюсь, ...»

С. 309, абзац 2, стр. 6: «...мне отчасти затруднительно...»

С. 309, абзац 2, стр. 8: «Не издаст ли...»

С. 309, абзац 3, стр. 2. Между словами «друг» и «Jung» вставить «(?)».

Письмо 22

С. 310, стр. 3–4: «(вернее, пересоздал)».

С. 310, стр. 8: «строфы Тютчева»

С. 311, вторая цитата. Глагол «brönnen», как и положено, пишется со строчной буквы.

С. 311, стр. 18 снизу: «за факт перевоплощений».

С. 311, стр. 13 снизу. Неразобранная публикатором фамилия читается «Корроди».

С. 311, стр. 9 снизу. В названии «Русской Идее» второе слово – с прописной буквы.

С. 312, стр. 1. «Ахинее» (в чтении мы на сто процентов не уверены).

С. 312, стр. 6: «Herbert».

Письмо 23

«Вольфингу» должно быть не посвящением, как ныне, а заглавием стихотворения.

Письмо 24

С. 314, стр. 2: «рассеянность».

С. 315, стр. 8. «...тончайших ее особенностей...»

- С. 315, стр. 10: «klaren».
- С. 315, стр. 12: ударение на «что».
- С. 315, стр. 13: «...im Verlauf zu einem Trigon...»
- С. 315, стр. 14. После «möglich» следует: «*ist*»: я отношу это к Вашей «Dichtung und Wahrheit» -- ».
- С. 315, стр. 16. После «в общем же» запятой нет.
- С. 315, абзац 2, стр. 7. «келейном искусстве».
- С. 315, стр. 10—9 снизу: «...чадо брака, в страстной взаимной любви, совершающейся между человеческим Духом...»
- С. 315, стр. 6 снизу: «выразимое».
- С. 315, стр. 6—5. Греческие слова написаны по-гречески.
- С. 316, стр. 3. Слово «пока» подчеркнуто.